

на местах и в центре. Е. И. Убрятова ознакомила присутствующих с характером работы, ведущейся в Секторе тюркских языков Института языкознания АН СССР; Р. И. Аванесов поделился опытом диалектологической работы в Секторе истории русского языка и диалектологии Института языкознания АН СССР.

Подводя итоги совещания, председатель комиссии по координации диалектологической работы Р. И. Аванесов коснулся некоторых теоретических проблем диалектологии и наметил дальнейшие задачи, стоящие перед диалектологами — специалистами по тюркским языкам. В частности, отмечая необходимость поднять теоретический уровень диалектологических работ, Р. И. Аванесов в качестве первоочередных задач назвал составление диалектологических атласов, разработку единой транскрипции и пр. В резолюции, принятой совещанием, отмечена необходимость руководства в работе по составлению диалектологических атласов со стороны не только Академий наук союзных республик, но и Академии наук СССР. Участники совещания пришли к единому мнению о том, что для повышения уровня диалектологических работ необходимо расширить фонетические лаборатории в институтах системы Академии наук и союзных академий.

Координационное совещание, проходившее в духе свободной дискуссии, будет способствовать дальнейшему развитию диалектологии тюркских языков как самостоятельной лингвистической науки. Оно направляет усилия советских диалектологов — специалистов по тюркским языкам — на те участки, которые еще недостаточно разработаны.

Н. З. Гаджиева

ОБСУЖДЕНИЕ РУКОПИСИ ПЕРВОГО ТОМА «ГРАММАТИКИ СОВРЕМЕННОГО ЛАТЫШСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА»

8—10 октября 1956 г. в Институте языка и литературы АН Латвийской ССР на объединенном расширенном заседании Ученого совета Института и Координационной комиссии состоялось обсуждение первого тома «Грамматики современного латышского литературного языка», подготовленного Сектором грамматики Института.

В обсуждении, помимо рижских языковедов, приняли также участие представители языковедов Литвы — К. Ульвидас и А. Сабалаяскас. Письменные отзывы прислали: проф. П. Аристе (Тарту), Сектор словарей и современного языка Института и литературы АН Литовской ССР и коллектив кафедры латышского языка Рижского педагогического института.

Открывая заседание, директор Института канд. филол. наук Э. П. Соколов отметил, что создание «Грамматики современного латышского литературного языка» является крупным событием в культурной жизни латышского народа. Это грамматика нового типа, описательно-нормативная. При установлении принципов ее структуры составители пользовались указаниями д-ра Я. Эндзелина, трудами акад. В. В. Виноградова, д-ра Б. А. Серебренникова и др.

Зав. Сектором грамматики и руководитель авторского коллектива ст. научн. сотр. Р. Я. Граб и в своем вступительном докладе указал, что «Грамматика», составленная в результате широкого исследования современного языкового материала, в то же время базируется и на предыдущих исследованиях грамматической структуры латышского языка, от которых она отличается, однако, как по своему построению, так и трактовкой отдельных явлений языка. Обычно грамматики латышского языка объединяют сравнительно-историческую точку зрения с характеристикой новейшего состояния языка. Первой грамматикой такого типа была «Грамматика латышского языка» Я. Эндзелина и К. Мюленбаха (1907). Описательно-исторический и вместе с тем нормативный характер является типичной особенностью также латышских грамматик 1922 и 1951 гг. проф. Я. Эндзелина и созданных по их примеру учебников. Но по мере развития литературного языка стало необходимым разграничение современного состояния литературного языка, исторического прошлого и диалектов. В 50-е годы в вузах были введены отдельные курсы по различным разделам латышского языка; назрела потребность в грамматике современного латышского литературного языка, результат работы над которой Сектор грамматики Института и выносит на обсуждение, чтобы сообща разрешить ряд возникших принципиальных вопросов. Таковым является

прежде всего само название «Грамматики современного латышского литературного языка». Это название оправдывается тем, что авторы сосредоточивают основное внимание на современном литературном письменном и устном языке.

Обсуждению подлежит также структура «Грамматики». В первый том включены разделы: «Фонетика», «Словообразование», «Морфология». В «Фонетике» дается описание звукового состава латышского литературного языка, звуковых изменений и звукового взаимодействия в языке. Для этого раздела использовались имеющиеся работы, в первую очередь — экспериментальное исследование фонем латышского литературного языка канд. филол. наук А. Лауа. Следует указать, впрочем, что за недостатком аппаратуры некоторые вопросы фонетического строя остались без должного описания, например, вопросы интонации и слогораздела. Новых исследований в этой области «Фонетика» не дает.

Полурешенным остался вопрос о месте в «Грамматике» словообразования, помещенного между «Фонетикой» и «Морфологией» в виде самостоятельного раздела: по мнению авторов, эта тема еще требует рассмотрения некоторых общих вопросов.

Разрабатывая части речи на основе материала современного языка, составители «Грамматики» все же отказались от новшеств, которые требуют еще специальных исследований, как, например, от разделения восклицательных слов на две категории, выделения в особую часть речи модальных слов и др. Дискуссионным вопросом в грамматике описательно-нормативного типа является соотношение современных языковых явлений и сохранившихся исторических элементов языка. Авторы не избегали исторических элементов, но пользовались ими по мере необходимости и в конечном счете не совсем равномерно. «Грамматика» отклонилась от традиционной классификации склонений по основам, которая требует исторических экскурсов, и распределила основы по склонениям. В разделе «Морфология» отчасти допущена и синтаксическая трактовка тех вопросов, которые имеют отношение как к морфологии, так и к синтаксису, например, при рассмотрении значений падежей.

По вопросу употребления латышских или интернациональных терминов не достигнуто полного единства. Имеет место и сознательное отступление от единообразной терминологии, например, из частей речи только глагол и имя прилагательное по некоторым соображениям названы не латышскими терминами. Поскольку разработка отдельных глав производилась разными авторами — это сказалось на стиле изложения и пропорциональности разработки самих разделов и подразделов. Докладчик обратил внимание участников совещания еще на одну особенность обсуждаемого труда. Хотя «Грамматика» построена как описательно-нормативная, в ней не проведено строгого нормирования. При описании некоторых явлений литературного языка авторы ограничивались только указанием на существующие параллели, предпочитая такой подход преждевременному установлению тех или других норм.

С обоснованием трактовки некоторых спорных вопросов фонетики, словообразования и морфологии выступили также участники авторского коллектива.

А. Бергмане говорила о новом подходе к вопросам смягчения согласных и чередования гласных. В обсуждаемую «Грамматику», в отличие от прежних, не включены главы о соединении гласных с йотом и смягчении согласных, так как указанные процессы в латышском языке давно закончились и обзор их — дело исторической грамматики. Вместо этих разделов в «Грамматике» показано чередование согласных как явление современного языка.

А. Микельсоне обратила внимание присутствующих на новшество в отделе словообразования. В главе о префиксации существительных впервые выделено образование существительных с полупрефиксом. Полупрефикс — словообразовательное средство, по значению находящееся на границе между приставкой и первым компонентом сложных слов. Лексически эти префиксы напоминают первый компонент сложных слов, функционально же похожи на предлоги-приставки. Таковы, например, *ār, apakš, saur, iekš, līdz* и др.

М. Леника познакомила участников совещания с весьма спорным вопросом о глагольном залоге в латышском языке и с различным разрешением его в пользу трех, то двух залогов. Проф. Я. Эндзелин в своей «Грамматике латышского языка» (1951) стал на точку зрения сравнительно-исторического языкознания, по которой в балтийских языках нет среднего залога, а его заменили возвратные формы глагола. Соответственно построены и учебники латышского языка последних лет. Тому же принципу следует и обсуждаемая «Грамматика». Рядом с действительным залогом (переходные глаголы) и описательным страдательным залогом, таким образом, выделяется самостоятельная формальная группа — возвратные глаголы, или возвратные формы глаголов с разными значениями. Вопрос не решен окончательно. Литовскими языковедами данный вопрос в отношении их национального языка еще не поднят. Желательно было бы совместное или сходное разрешение вопроса о залоговых отклонениях в обоих балтийских языках.

Т. Порите, выступив по вопросу о модальных словах, указала на признаки, выделяющие модальные слова из состава слов тех частей речи, к которым они как

будто относятся. Однако границы устанавливаются весьма неопределенные, особенно при отделении модальных слов от наречий и частиц. У модальных слов в латышском языке намечается тенденция к обособленности, но пока у них нет всех тех грамматических признаков, на основании которых можно было бы их выделить в особую часть речи. Поэтому в обсуждаемой «Грамматике» модальные слова упоминаются после обзора модальных частиц.

Обсуждение рукописи первого тома «Грамматики» проходило оживленно и необходимо. Выступали не только по выдвинутому Сектором проблемам, но и по многим другим. Труд Сектора грамматики в общем оценивался положительно, тем не менее был внесен ряд предложений и уточнений по всем разделам первого тома, главным образом по «Фонетике». Общий интерес был проявлен к структуре «Грамматики» (прежде всего — к включению в нее раздела «Фонетика», против чего возражали отдельные участники совещания — Я. Балткаис и др.). Большинство выступавших нашло обоснованным объединение вопросов словообразования разных частей речи в один общий раздел и помещение его перед «Морфологией» (Ю. Карклинь, В. Юрик и др.), по имелись и возражения (Я. Балткаис, Я. Лоя и К. Гайлум).

Многие выступавшие останавливались на применении принципа историзма при характеристике современных явлений языка. Указывалось, что нет единства в распределении исторических комментариев (К. Гайлум). Следует усилить отграничение исторического подхода от современного во многих случаях в фонетике (А. Лауа); так, например, не исторические, а позиционные условия должны быть выдвинуты в системе употребления [ē] и [ĕ]. В словообразовании (по мнению И. Фрейденфельда) грамматика современного языка не обязана раскрывать все явления суффиксального словообразования. Но говорить о суффиксах можно лишь тогда, когда существует корневая форма, иначе слово следует считать первичным. В морфологии личные окончания глаголов *-m* и *-t* — исторические, современными же надо считать *-am* и *-at*.

Высказываясь за выделение «Словообразования» в особую часть грамматики и об историческом аспекте в словообразовании, М. Сауле-Слейне указывает на некоторые принципиальные случаи несогласованности в этом разделе. Так, например, в слове *kalns* за корень (без надлежащей мотивировки) нельзя принять *kaln-*, а только *kal-*, так как слово является производным от *celt* (ср. также *cildens*; литовск. *kelti*). В данном случае это подтверждается и общим законом, что в латышском языке корни слов не оканчиваются на плавные + носовые. В производном слове от *darīt* — *darbs* корнем является *dar-*, но не *darb-*.

Прежний исторический подход к классификации склонений существительных по основам предпочитает Р. Грисле и др. Нумерация склонений, по мнению Р. Грисле, является конвенциональным, пустым и ничего не выражающим новшеством.

Общим, интересующим всех вопросом явилась примененная в «Грамматике» терминология. Одни защищали употребление только латышских терминов, как весьма удачно установленных (Я. Лоя), другие, напротив, главным образом интернациональных, как лучше выражающих содержание соответствующего понятия и признанных крупнейшими латышскими языковедами, тогда так латышские названия частей речи образованы по немецкому образцу (Р. Грисле). Иные, учитывая, что полного единства в этом отношении нет в грамматиках и других языках, советовали по возможности пользоваться латышскими терминами, но не возражали в случае необходимости и против замены их интернациональными (Ю. Карклинь, И. Фрейденфельд и др.). Со стороны учительства было высказано требование устойчивой терминологии (Х. Грассе).

Из трех разделов первого тома «Грамматики» внимание большинства выступающих сосредоточилось на «Фонетике». Предложения и уточнения касались плана раздела, описания отдельных фонем и использования теоретических данных экспериментального исследования при изложении фонетических законов латышского литературного языка. Некоторые возражали против классификации фонем только по активным органам речи, предлагая сохранить (Р. Грисле) также деление гласных и согласных и по пассивным органам. Большее внимание рекомендовалось (А. Лауа) уделить фонемам [ē] и [ĕ] и их взаимоотношениям с другими фонемами, так как различие этих фонем имеет значение для нормализации литературного произношения.

Вообще вопросы произношения заняли значительное место в выступлениях участников обсуждения. Было выдвинуто, в частности, требование (А. Лауа), чтобы «Грамматика» окончательно разрешила вопрос обозначений долготы гласных в интернациональных словах. Указывалось, что произношение страдает оттого, что в интернациональных словах долгота не обозначается в письме, тогда как письмом должно быть основанием правильной литературной речи. Много критических замечаний было сделано в отношении отделов чередования согласных и гласных, где ввиду сложности явления «Грамматике» приходится выдвигать норму произношения.

Поднятый, таким образом, вопрос о нормативности «Грамматики» был поддержан всеми выступавшими. Особенно подробно по этому вопросу говорил зав. отделом литературы и искусства газеты «Циня» филолог Г. Бендик. Он подверг детальному анализу

отдел «Фонетики» с точки зрения нормативного произношения и правописания и указал, что необходимо до выхода в свет «Грамматики» упорядочить правописание иноязычных слов. «Грамматика» не имеет права обойти эти наиболее важные вопросы правописания. Г. Бендик остановился и на понятии нормы. Норму не следует понимать узко. Правильная норма — уже не та, которая, по определению К. Мюленбаха, базируется на истории латышского языка и продолжает жить в среднем диалекте. Литературный язык теперь развивается независимо от диалектов. Надо отделять единичные случаи употребления от типичных. Случайным примерам нет места в «Грамматике». Но «Грамматика» должна указать на нормы согласно теоретическим выводам. Газеты, указал Г. Бендик, выходящие в огромном тираже, могли бы служить прекрасным примером правильной литературной речи и письма, если бы «Грамматика» указала им нормы.

Оживленно обсуждались затронутые в связи с произношением вопросы правописания. Выступали за и против необходимости смягченного *r* [r̥]. По мнению одних, [r̥] произносится только в некоторых диалектах. Другие указывали на значение употребления [r̥] в суффиксах, где от отсутствия [r] страдает система языка и теряется смысл некоторых сочетаний и слов. Третьи, а именно — школьные работники, признавая значение *r̥* в системе языка, говорили о том, что желание восстановить [r̥] они считают нецелесообразным после того, как уже в течение 10 лет знак [r̥] не употреблялся в правописании. Было высказано также мнение, что вопрос урегулирования правописания, так же как и интерпункции, не обязательно должен быть включен в «Грамматику» (К. Гайлум, Ю. Карклинь), но желательно, чтобы в ней отражалось нормативное правописание, поэтому не стоит издавать «Грамматику», пока вопрос правописания не решен.

Были сделаны замечания и по разделу об имени прилагательном с точки зрения нормативности. По мнению И. Целминьш, устанавливая в качестве литературной нормы в известных случаях полное окончание имени прилагательного, вместо обыкновенно употребляемого краткого, авторы отрываются от живого языка.

Были подвергнуты анализу введение в морфологию и раздел о глаголе. Неточности в положениях и определениях, по мнению преподавателя латышского языка филолога Я. Фрейберга, являются результатом смещения лексических, логических и грамматических категорий, которые необходимо в «Грамматике» различать. Говоря о глаголе, рецензент отстаивал наличие трех залогов. По убеждению Я. Фрейберга, латышский глагол имеет средний залог, а возвратные формы — это предмет исторической грамматика.

С общей оценкой рукописи «Грамматики» выступил зав. Сектором современного литовского литературного языка и словарей в Институте языка и литературы АН Литовской ССР К. Ульвидас. Он сказал, что считает правильным отказ латышских товарищей от прежнего намерения — создать грамматику путем подготовки отдельных монографий, и выразил уверенность, что избранный путь явится весьма поучительным примером и при создании грамматики литовского языка. Далее К. Ульвидас отметил выдержанность принципа — исходить из исследуемого материала, не увлекаясь чужими схемами и формулами. Что касается своего грамматического наследия и богатой русской грамматической литературы, то авторы умело извлекают все, что подтверждает их собственные наблюдения и их собственный анализ фактического материала. Имея широкую базу исторической грамматики, они ввели в свой коллективный труд немало элементов сравнительно-исторического характера. Принципом применения историзма следует считать также отграничение отмирающего и непродуктивного от прогрессивного и живущего, а также часто встречающееся в «Грамматике» сравнение и сопоставление явлений латышского языка с явлениями других близких языков, особенно с явлениями литовского языка. Рецензент причислил к положительным чертам «Грамматики» также хороший подбор иллюстративного материала. Неясно для него лишь то обстоятельство, почему в «Грамматике» так скупо представлен живой народный обиходный язык. Работа над многотомным словарем литовского языка доказывает, что общенародный литовский язык и до сегодняшнего дня является незаменимым источником обогащения литовского литературного языка.

Выступления в прениях были дополнены обстоятельными письменными рецензиями. Особенно ценными явились замечания сотрудников Сектора словарей и современного языка Института языка и литературы АН Литовской ССР о значениях глагольных приставок, данные с точки зрения употребления соответствующих приставок в литовском языке, а также замечания по фонетике и имени прилагательному.

После окончания прений зав. Сектором грамматики Р. Я. Грабис, подводя итоги совещания, отметил, что обсуждение оправдало надежды авторского коллектива. Р. Грабис выразил благодарность от имени составителей «Грамматики» тем участникам совещания, которые приняли в нем активное участие. К сожалению, не все части «Грамматики» заслужили одинаковое внимание. Больше всего разбирались вопросы фонетики, очевидно потому, что в ней ищут нормы произношения и правописания. Все замечания, дополнения и уточнения будут обсуждены Сектором и, по возможности, включены в рукопись.

В заключительном слове директор Института языка и литературы Э. П. Сокол

присоединился к выступавшим за пересмотр правописания. Было принято предложение Г. Бендика составить комиссию по составлению проекта пересмотра орфографии.

М. Я. Лепика

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

С 22 по 26 января 1957 г. в Праге состоялось второе заседание Международного комитета славистов (МКС). В заседании приняли участие делегаты следующих стран: Австрии (проф. Р. Ягодич), Болгарии (проф. В. Георгиев, проф. П. Динев), Великобритании (проф. Е. Хилл), Венгрии (проф. И. Книжежа), Германской Демократической Республики (проф. Г. Г. Бильфельдт), Голландии (проф. К. Т. Ван-Схонсфельд), Румынии (проф. Э. Петрович), СССР (проф. В. В. Виноградов, проф. В. И. Боровский, проф. Р. И. Аванесов, проф. М. П. Алексеев), США (проф. Р. О. Якобсон), Франции (проф. А. Мазон), Чехословакии (проф. Б. Гавранек, проф. Ю. Доланский) и Югославии (проф. А. Белич, проф. Й. Бадалич).

МКС обсудил ряд текущих вопросов и принял решение о сроке и месте проведения IV Международного съезда славистов (сентябрь 1958 г. Москва), о темах докладов и распределении их среди участников, о некоторых изменениях в составе Комитета и др.

МКС постановил организовать шесть рабочих комиссий съезда: а) информационно-библиографическую; б) текстологическо-издательскую; в) терминологическую; г) транскрипционную; д) по изучению истории славяноведения; е) по осуществлению конкретных международных научных предприятий (составление церковнославянского словаря и др.). Принято также решение о проведении до съезда третьего заседания МКС в январе 1958 г. в Варшаве. Подробный отчет об этом заседании будет опубликован в следующем номере нашего журнала.

В связи с подготовкой к IV Международному съезду славистов в Чехословакии, Польше, Болгарии, Югославии, Румынии и других странах созданы национальные комитеты славистов.

Состав Чехословацкого национального комитета славистов: председатель акад. Б. Гавранек; члены Комитета: доп. д-р В. Бланарь, чл.-корр. Ф. Вольман, проф. д-р К. Горалек, чл.-корр. Ю. Доланский, проф. д-р Б. Илек, доктор филол. наук проф. А. Исаченко, действ. чл. Словацкой АН А. Мраз, акад. Я. Мукаровский, акад. Ф. Травничек; заместители членов Комитета: чл.-корр. Я. Белич, чл.-корр. Ф. Водичка, чл.-корр. К. Крейчи, проф. д-р И. Курт, проф. д-р Е. Паулини, д-р К. Розенбаум; секретари Комитета: д-р С. Вольман, д-р Ф. В. Мареш. Адрес Комитета: Praha 1, Valen-tinská ulice 1, Československá Akademie věd, Slovanský ústav.

Состав польского национального комитета славистов: председатель проф. Т. Лер-Силавинский, зам. председателя проф. В. Дорошевский, ученый секретарь проф. П. Зволинский; члены комитета: проф. К. Будзык, проф. К. Выка, проф. А. Гейштор, проф. Т. С. Грабовский, проф. Ю. Крыжановский, проф. В. Курашкевич, доп. И. Магнушевский, проф. М. Р. Майенова, проф. Т. Миккульский, проф. А. Обрембска-Яблоньска, проф. Ф. Славский, проф. В. Ташицкий, проф. С. Урбанчик, доп. С. Фил-ман, проф. В. Хенсель, проф. Я. Чекановский, проф. З. Штибер, проф. М. Якубек, проф. В. Якубовский. Адрес Комитета: Polska Akademia Nauk, Palac kultury i nauki im I. Stalina, Warszawa, Polski komitet slawistów.

Состав Болгарского национального комитета славистов: почетный председатель акад. А. Теодоров-Балан; почетные члены: акад. Ст. Младенов, акад. Ст. Романски; председатели Комитета акад. В. Георгиев; зам. председателя Комитета чл.-корр. П. Динев; секретарь Комитета проф. Ст. Стойков; члены Комитета: чл.-корр. Л. Андрий-чин, проф. В. Белчев, ст. прещ. Ц. Вранска, проф. Е. Георгиев, проф. Н. Дылевский, чл.-корр. П. Зарев, чл.-корр. И. Леков, чл.-корр. К. Мирчев, проф. С. Русакиев, акад. Л. Стоянов, чл.-корр. Ц. Тодоров. Адрес Комитета: София, булевард Руски 21, Българският комитет на славистите.

Состав Югославского национального комитета славистов: от Народной Республики Сербии: председатель акад. А. Белич, проф. Д. Павлович, проф. М. Стеванович, проф. Р. Лалич (секретарь), проф. К. Тараповский (казначей); от Народной Республики Хорватии: акад. Й. Бадалич, проф. М. Храсте, проф. Ст. Ивнич, проф. И. Хамм; от Народной Республики Словении: акад. Р. Нахтигал, акад. А. Слодняк, проф. Р. Коларич, проф. Б. Крефт; от Народной Республики Македонии: проф. Х. Поленак-ович, проф. Б. Конески; от Народной Республики Боснии и Герцеговины: проф. С. На-зевич, проф. И. Вукович; от Народной Республики Черногории проф. Л. Вуйович.